

УДК 165

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/51/45>

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИКИ

©*Антипина А. С.*, ORCID: 0000-0001-6482-2706, SPIN-код: 9574-7979, канд. филос. наук,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия

PHENOMENOLOGICAL SOCIAL THEORY IN THE CONTEXT OF POST-NON-CLASSICS

©*Antipina A.*, ORCID: 0000-0001-6482-2706, SPIN-code: 9574-7979, Ph.D., Bauman Moscow
State Technical University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье используется модель классической, неклассической и постнеклассической рациональности. Постнеклассика определяется в перспективе усиления зависимости объекта Науки от ее метода; также в работе анализируется субъектность нового типа в современной теории познании. На основе предпринятого анализа делается вывод об адекватности феноменологической социологии парадигмальности нового типа — как ее общим мировоззренческим принципам, так и трансформациям самой социальной теории. Так, показано, что феноменологическая социология вносит существенный вклад в преодоление крайностей ментализма и бихевиоризма в объяснении человеческих действий социальной теорией; с точки зрения общей мировоззренческой направленности, феноменология намечает новый вектор взаимоотношений естественнонаучного и гуманитарного знания.

Abstract. The article uses the model of classical, non-classical and post-non-classical rationality. Post-non-classics is defined in the perspective of increasing the dependence of the object of Science on its method; the paper also analyzes the subjectivity of a new type in the modern theory of knowledge. On the basis of the undertaken analysis, the conclusion is made about the adequacy of phenomenological sociology of a new type of paradigmality — both its General worldview principles and transformations of the social theory itself. Thus, it is shown that phenomenological sociology makes a significant contribution to overcoming the extremes of mentalism and behaviorism in the explanation of human actions by social theory; from the point of view of the General ideological orientation, phenomenology outlines a new vector of relations between natural science and humanitarian knowledge.

Ключевые слова: классическая, неклассическая, постнеклассическая рациональность, социальная феноменология, теория социального действия.

Keywords: classical, non-classical, post-non-classical rationality, social phenomenology, theory of social action.

Введение

В рамках нашей работы мы используем модель классической, неклассической и постнеклассической рациональности, а также выдвигаем гипотезу адекватности

феноменологической социологии постнеклассике — как ее общим мировоззренческим принципам, так и трансформациям самого социологического дискурса.

Постнеклассический идеал рациональности определяется нами, во-первых, как продолжение линии зависимости объекта науки от ее метода. На смену идее «реальности самой по себе» приходит признание принципиальной множественности социокультурных миров. Как следствие — отказ от идеи построения «подлинно научного», а потому единственно верного метода, рассматриваемого в качестве привилегированной формы доступа к истине. Исследовательский интерес все больше смещается в сторону рассмотрения деятельности по получению нового знания и закреплению за ним статуса «научного». Таким образом, проблематизируется сама возможность познания чего-либо вне определенной социальной практики использования тех или иных методов, систем описаний.

С другой стороны, мы отмечаем выдвижение плана Субъекта в рамках общей мировоззренческой ориентации постнеклассики. Однако сама по себе «субъектность» не должна вводить в заблуждение: речь не идет о классическом рацио, вообще не о субъекте (научного) познания как таковом, но о практическом агенте. Новое понимание Субъекта уместно связать с проблематизацией статуса самой Науки — рассмотрением сквозь призму породивших ее социально-культурных реалий. Данная ориентация была заявлена, в частности, Э. Гуссерлем в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии»: тематизирована укорененность науки в «предданном мире». Эту стратегию наследует А. Шюц. Наука рассматривается в качестве одной из «конечных областей смысла». Ученый теряет монопольное право на истину в рамках пространства социального: отныне его полноценным участником становится рядовой агент социокультурных практик. При этом — подчеркнем еще раз — не столько автономный в своем выборе индивид, сколько «паттерны взаимодействия» (термин К. Джерджена), обусловленность перспективы субъекта ситуационным контекстом «здесь и сейчас».

«Внутренний» ракурс постнеклассики определяется нами как тенденция к сближению «акционизма» и «структурализма» в социальной теории.

Так, феноменологическая социология существенно трансформирует понимание теории социального действия, тем самым перспектива «акционизма», заявленная социологической неклассикой М. Вебера, Г. Зиммеля и др., значительно ослабляется. Действие уже не есть в полной мере *мое* — спланированное и т. п.; оно в значительной степени предопределено социально разделяемыми типизациями обыденного мышления. «Субъективный смысл» М. Вебера, в интерпретации феноменологов, рождается не в сознании индивида, но в скоординированных формах деятельности — «смысловое» продуцируется социальными отношениями, не индивидом. Многие феноменологии используют в этой связи понятие «социально организованных актов интерпретации»: смысл социального действия не есть мотив (как достояние актора), но социально организованные конвенции как способы приписывания субъектам определенных «побудительных мотивов».

Представляется необходимым в этой связи отметить следующее. Разделяемая А. Шюцем, Г. Гарфинкелем критика «целе—» и «ценностно-рационального» у Вебера зачастую расценивается как уступка бихевиоризму [1, с. 293–304]: если убрать план сознания, то останутся лишь поведенческие реакции. Это не так. Важно не поведение как таковое, но социальный контекст его обнаружения. При этом «индивид» феноменологии не пассивный ретранслятор предустановленных социальных порядков — позитивистское «человек-в-обществе-социолога» (термин Г. Гарфинкеля) отвергается. Нормативные правила, согласно феноменологам, устанавливаются посредством их способности рационализировать практики (повседневной жизни), но эта возможность не дана априори. Правила происходят из

«обстоятельств их применения» — формируются непосредственно по ходу коммуникации, которую они организуют. В этом смысле этнометодологи будут говорить о рациональности как о «текущем результате» организованных действий повседневной жизни.

Тем самым, на наш взгляд, феноменологическая социология вносит свой вклад в преодоление крайностей ментализма и бихевиоризма в объяснении человеческих действий.

Следует также подчеркнуть, что общая перспектива «социального» в феноменологии — это типически организованный порядок повседневной жизни, «продукт общей схемы интерпретации, формирующей стандартизированные и стандартизирующие фоновые ожидания» [2, с. 54].

В этой связи отметим, что люди у социальных феноменологов крайне «заинтересованы» в социальном порядке — ничуть не меньше социологов. Но создают этот порядок они своими рутинными повседневными действиями, а не посредством участия («ролевого») в функционировании «государства», «культуры» (в качестве независимых субстанций). Институты суть, в первую очередь, привычные формы деятельности — в этом смысле они «реальны», но реальны именно потому, что мы свои действия организуем в соответствии с этой «реальностью».

Сошлемся в этой связи на классика феноменологической социологии А. Шюца. Для характеристики «социальной реальности» он использовал понятие «обычаев Мы-группы». Это социально признанные в качестве «хороших и правильных» способы обращения с вещами и другими людьми. Мир воспринимается как неоспоримая данность, основания которой не проблематизируются просто в силу того, что все эти институциональные образования до сих пор «выдерживали проверку» [3, с. 621]. А. Шюц и последующая традиция, будут, тем самым, при объяснении социального мира исходить из философских положений, артикулированных еще Э. Гуссерлем: *Selbstverständlichkeit* (само-собой-разумеемость), а также принципы действия как принципы «и так далее» и «я могу сделать это снова».

«Почему это так? — Потому что так заведено»: основанные на здравом смысле действия, рутинно воспроизводимые практики, «рациональность» которых уместнее связывать с тем, что они выдержали проверку временем, нежели с тем, что они служат каким-то априори «разумным» целям. Классическая социология атрибутировала подобные структуры «примитивным», «архаическим» обществам, противопоставляя им общества модернизационного типа, где институты описываются исходя из успешно исполняемых ими функций. Социальные феноменологи (как и ряд других современных социологических теорий) будут описывать нормативный строй общества на уровне повседневных практик, оспаривая функциональное «разделение труда» между институтами. Подобно тому, как медицинские научные центры не только исследуют болезни и лечат людей, но и ведут документооборот, в рамках которого конструируются сами «болезни», — так и суды присяжных не открывают «объективных» фактов, но создают их самой практикой судебной деятельности (Демонстрация подобных зависимостей феноменологами и этнометодологами никогда не преследовала цели изобличать научную, равно как и любую другую, деятельность.).

Помимо «плана онтологии» (оппозиция «действие–структура» в теории социального действия), мы выделяем гносеологический план. В рамках постнеклассики, с нашей точки зрения, он может быть интерпретирован как новая трансдисциплинарность, пересмотр традиционного разведения «наук о природе» и «наук о культуре». Отныне это не противопоставление «идиографического» и «номотетического», но смена вектора — перспектива «включенного наблюдения», а не дистанцирование ученого (либо посредством

презумпции объективности научных фактов, либо рациональной природы человека). В рамках «социологической классики» безоговорочно доминировал идеал количественных методов анализа (апелляция к «фактам», привлечение математического аппарата), «неклассическая социология» привнесет перспективу «индивидуального», но преломляемую в свете «абсолютных ценностей». Позиции «внеаходимости» противостоит «включенное наблюдение» постнеклассической рациональности. Данная стратегия разрабатывается, в том числе, представителями «качественной методологии», стремящимися преодолеть разрыв между не обремененной эмпирическим материалом высокой теорией социального ученого и лишенным всякого теоретизирования коллекционированием фактов. Данная ориентация во многом наследует установку социального феноменолога А. Шюца — его постулат «субъективной адекватности» теории. Зачастую последний трактуется превратно. Мы полагаем, что требование возможности «обратного перевода» категорий социальной науки на язык самого практического деятеля не есть лишь призыв к самоописанию. Альтернатива «внешней» позиции ученого традиционной социологии — не просто «спросить у туземца», как иронично замечает Д. Силвермен. Описание социальной системы будет адекватным в том случае, если удастся усвоить разделяемые в этой системе повседневные практики организации жизни. Все то, что следует знать или во что следует верить, чтобы вести себя приемлемым для членов этой группы образом [4].

Мы также полагаем, что гносеологическая перспектива «постнеклассики» может быть интерпретирована и в более широком контексте: речь не только о методах социальной науки, но, как представляется, и о возможности нового синтеза «естественнонаучного» и «социогуманитарного».

Еще недавно столь популярные рассуждения социологов о том, что «социальное» бесконечно богаче и сложнее «физического», сегодня не оправданы. Реставрация позитивизма, на наш взгляд, невозможна не потому, что гуманитарии доказали неприменимость этого стандарта к «человеческой реальности», но в силу того, что механицизм, к которому он апеллировал, давно «скомпрометирован» самой физикой. «Инонаучность» социогуманитарного сравнительно с «естественным» посему больше не работает; «иными» стали сами «науки о природе». Они уже не остова «объективности» и «беспристрастности» — конвенционализм в порядке вещей среди «естественников».

В этой связи разведение перспектив «вещного» и «субъектного» должно возыметь свой предел. Современное социально-гуманитарное знание уже не может позволить себе недооценку «вещей» — в противовес классической гуманитаристике, самоопределяющейся в перспективе «не-природного», — необходимо увидеть *другую* природу.

Феноменология, на наш взгляд, дает мощный философский ресурс для переосмысления связи «природного» и «культурного», ибо в повседневной практике, на анализ которой ориентируют науку представители феноменологической социологии, — мир не дан человеку в качестве состоящего из «мертвых вещей» и «высоких смыслов», но предстает как целокупный обжитой мир. Здесь же становится очевидным, что прагматическое будет «утилитарным» и «корыстным», только если будет противостоять не менее надуманной чистой теории.

Нам представляется, что тем самым намечается плодотворная возможность пересмотра непростых отношений «наук о природе» и «наук о культуре». Ведь именно повседневная реальная жизнь — сошлемся на справедливую мысль Б. Латура, «постоянно и неуклонно смиряет» все попытки «научного» разведения «природного» и «культурного», «вещного» и «смыслового», «реального» и «сконструированного» [5].

Заключение

В свете сказанного, однако, особо следует подчеркнуть тот факт, что и сегодня концепт «позитивизма–антипозитивизма» остается во многом главным инструментом при анализе социальных теорий XX века. Так, значительная часть современных исследователей, заслуженно упрекая традицию О. Конта в игнорировании специфики социокультурной реальности, в преднамеренном методологическом редукционизме и объективизме, проявляющемся в забвении социогуманитарными науками их «человекоразмерности», — не видят ему иной альтернативы, кроме как в «субъективизме». Приведем весьма характерную точку зрения: «Классическая социологическая парадигма, или же позитивистски ориентированная социология, противопоставляет свое видение социального мира альтернативной парадигме, связанной с работами феноменологов и этнометодологов. Отличительная черта натуралистического толкования социальной реальности — отрицание или недооценка субъективного фактора в общественной жизни... В противоположность натуралистическому подходу в концепциях субъективизма основное внимание уделяется именно сознанию. При всем многообразии разновидностей субъективизма (от феноменологической социологии до философии лингвистического анализа) всем им присуще игнорирование объективной естественно–исторической обусловленности жизни общества» [6, с. 92].

Подобные прочтения не оставляют выбора: любые стратегии, не укладывающиеся в «позитивистски ориентированную» модель социального познания, с неизбежностью будут причислены к «социологическому субъективизму».

Со своей стороны отметим, что заявленная оппозиция (позитивизм/объективизм – антипозитивизм/субъективизм) не является универсальной. Она была оправдана в условиях критики позитивизма формирующейся тогда культурцентристской парадигмой. Однако на современном этапе развития социально-философского знания во многом утратила свою эвристическую ценность.

Так, попытки преодоления схематизма структурно–функционального истолкования человеческого поведения отнюдь не означают апологии «субъективизма» и «идеализма» в социальном познании, и от аксиологии баденской школы неокантианства феноменологическая социология отличается не меньше, чем от «натурализма» теоретических построений Г. Спенсера.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00157 «мол_а» «Разработка постнеклассической методологии социального познания».

Список литературы:

1. Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003. 331 с.
2. Уолш Д. Социология и социальный мир // Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. С. 47-79.
3. Шюц А. Равенство и смысловая структура социального мира // Избранное. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 616-666.
4. Силвермен Д. Предварительные замечания // Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. С. 29-46.
5. Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей: сб. статей. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 365-389.

6. Смирнова Р. А. Природа социальной реальности: Бытие и познание. Минск: Наука и техника, 1991. 168 с.

References:

1. Devyatko, I. F. (2003). Sotsiologicheskiye teorii deyatel'nosti i prakticheskoy ratsional'nosti. Moscow, Avanti plyus, 331. (in Russian)
2. Uolsh, D. (1978). Sotsiologiya i sotsial'nyy mir. In: *Novyye napravleniya v sotsiologicheskoy teorii. Moscow, Progress, 47-79.* (in Russian).
3. Shyuts, A. (2004). Ravenstvo i smyslovaya struktura sotsial'nogo mira. In: *Izbrannoye. Mir, svetyashchiysya smyslom. Mosciw, ROSSPEN, 616-666.* (in Russian).
4. Silvermen, D. (1978). Predvaritel'nyye zamechaniya. In: *Novyye napravleniya v sotsiologicheskoy teorii. Moscow, Progress, 29-46.* (in Russian)
5. Latur, B. (2006). Nadezhdy konstruktivizma. In: *Sotsiologiya veshchey. Moscow, Izdatel'skiy dom Territoriya budushchego, 365-389.* (in Russian).
6. Smirnova, R.A. (1991). Priroda sotsial'noy real'nosti: bytiye i poznaniye. Minsk, Nauka i tekhnika, 168. (in Russian)

*Работа поступила
в редакцию 14.01.2020 г.*

*Принята к публикации
19.01.2020 г.*

Ссылка для цитирования:

Антипина А. С. Феноменологическая социальная теория в контексте постнеклассики // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №2. С. 356-361. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/51/45>

Cite as (APA):

Antipina, A. (2020). Phenomenological Social Theory in the Context of Post-non-classics. *Bulletin of Science and Practice*, 6(2), 356-361. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/51/45> (in Russian).